

АНДРЕЙ ФЛИБЕР

СОРОК ОДИН
МЕРТВЫЙ

Сборник рассказов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Флибер
Сорок один мертвый

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Флибер А.

Сорок один мертвый / А. Флибер — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06858-2

Это сборник коротких рассказов. Все рассказы посвящены Смерти. Смерть поджидает тебя на улице и в ванной, она приходит к тебе в объятиях любимых, она приходит без предупреждения и приглашения, на поле боя, на тихом озере и в теплой постели. Она берет тебя с любовью и трепетом, как любящая женщина, или разрывает тебя на куски и выгрызает сердце как одичавшая собака. Смерть всегда рядом с тобой. Смерть всегда помнит о тебе и ждет. Она умеет ждать. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06858-2

© Флибер А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	6
Первый мертвый	7
Второй мертвый	8
Третий мертвый	10
Четвертый мертвый	12
Пятый мертвый	14
Шестой мертвый	16
Седьмой мертвый	18
Восьмой мертвый	19
Девятый мертвый	21
Десятый мертвый	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Посвящается Насте Булавиной. Ты смогла уйти молодой и красивой. Покойся с миром.

Предисловие

Идея этого сборника появилась у меня при прочтении дневника Джека Керуака. Он загорелся идеей за восемь недель написать шестьдесят одностраничных рассказов, с отдельной историей, сюжетом, началом и концом. Чем у него закончилось я уже не помню, вроде ничем. Но, мне эта идея безумно понравилась, я рассматривал ее как упражнение для головы и моего письма. Приближался Новый год, поэтому я решил написать шестьдесят одностраничных рассказов за три недели и сделал это. Каждый день я писал по три рассказа и остался весьма доволен результатом. Я не воспринимал всерьез этот сборник и задвинул его на пять лет в ящик. Не так давно я перечитывал его и решил его опубликовать. Для этого я отредактировал и дописал рассказы, поэтому некоторые заметно увеличились, выкинул те, которые показались мне совсем неподходящими и, в итоге, от шестидесяти трех остался сорок один. Сорок один рассказ о Смерти, который я вам и презентую.

Первый мертвый

Ты успеваешь, нет?

Смотри, как воздух вкручивается в меня и я выскакиваю из мусорного контейнера, ослепленный вспышками и умопомрачительным миром, что врывается в мою вековую тьму, взрывая мозги плугом красок и закрученных линий, линий домов и деревьев, прямые углы комнаты и ослепительное шестигранное солнце, так раздражительно сияющее мне в лицо, что я выплевываю всю мерзость, что копилась во мне тысячи лет и кричу, первый раз в жизни кричу, отдаваясь компульсии без остатка.

Ноги тащат по земле, после сотни лет в огне ожидания света и новой жизни, все настраивается вокруг, как конструктор, поднимаясь и разрастаясь во все стороны канатными дорогами, раскидываясь над лесами моего севера и утоптанными потаенными тропами, извивающимися в горах моих горизонтов, проросших в землю за зелеными холмами, покрытыми абрикосовыми деревьями моей малой родины, беспечные дни и спокойные ночи под материнским голубиным крылом, в нежности и покое, во вселенской ласке и поцелуях, что успокаивают лучше любой песни, и мир снаружи разворачивается такой огромной пёстрой скатертью, бесконечно стелясь до самого горизонта, что кажется его невозможно познать за все жизни бессмертной души человека.

Калейдоскоп летит дальше и я все дальше от мусорной корзины отречения, из которой я выпал лучезарный и полный боли сладострастия к новому миру, на слабых маленьких ножках, теперь окрепших, и вот уже я опираюсь на них сам (-Смотри мама!), укрепляя себя на земле, которая уже не кажется такой большой с этими горизонтами, до которых я могу достать, если захочу, и со всеми удовольствиями мира, которые я получу, если захочу и когда захочу, ввинчиваясь в пляску мира вокруг меня, куда я тянусь и хватаю все, что мне попадает под руку, стягивая к себе и закручивая мир вокруг меня.

Мир совсем не большой, его можно обогнуть в один взмах ресниц лошади и чих колибри, нависшей над лилией. Не большой и не такой нужный, как казалось раньше, влекомому жаждой мне, пытающемуся получить все здесь и сейчас, живя радостным будущим, которое теперь внезапно так очевидно и ясно видно, мусорным контейнером стоит у меня на пути, который не отодвинуть и не обогнуть, никак не избежав его чрева, из которого я вышел, что тоже лишь природная закономерность, так что ж теперь страдать или клясть судьбу за такой короткий промежуток, выделенный мне, ноги уже подгибаются, плечи опускаются, только улыбка довольства и полноты становится шире, вещи видятся предельно ясно и четко, чем когда бы то ни было, хотя глаза уже не видят и вот я снова заползаю в мусорный контейнер, облепленный рекламными объявлениями, полный чеками из фастфуда заправочной станции, талонами на скидку, с пустой упаковкой от чипсов и пятнами от колы на моём свитере, заползаю на новые тысячи лет в огне ожидания. Время двигаться дальше!

Ты успеваешь, нет?

Второй мертвый

Мужчина в куртке из рыжей кожи стоит в отделении банка и курит сигарету, бросая взгляды на посетителей. Сигаретный дым поднимается к прищуренному глазу и растекается под потолком, задумчивый взгляд бродит по толпе людей неодобрительно зыркающих на него. Он стряхивает пепел на пол и сует сигарету обратно в рот.

Из дальнего угла отделения к нему уже спешат двое, сотрудник банка, с заплывшим красным глазом, в который несколько минут назад он получил от курящего мужчины, и охранник, нервно сжимающий кулаки. Они спешат и постоянно поглядывают наверх. Однако не успевают они пройти и пяти метров, как срабатывает пожарная сигнализация и струи вода обрушиваются с потолка на посетителей. Сотрудник и охранник вскрикивают и бросаются обратно по коридору. Мужчина застегивает куртку и выходит на улицу. А снаружи такой прекрасный субботний день, птицы поют на деревьях, что раскинули свои ветви над проспектом, в мирном полудне солнечного дня.

– Ну и скука. – Протянул мужчина и почесал голову. Из-под волос на секунду показалась пара черных рогов.

Мужчина щелчком бросил сигарету на тротуар и искры отскочили от плитки. Одна из них под взглядом рогатого поднялась в воздух и прыгнула на подол тонкого платья проходившей мимо девушки. Маленькая вспышка и вот уже подол запыхал прямо на девушке. Та закричала и принялась лупить руками по платью, пытаясь сбить пламя. Рядом закричали и ей на помощь подскочил парень, хлопая по подолу ладонями, но чаще не там где горело, а в области бедер и ягодиц. Девушка верещала и одновременно сбивала огонь и отбивала руки парня. Кто-то выплеснул на нее бутылку газировки и черно-коричневое пятно расплзлось по платью девушки, словно покрытое ржавчиной на прогоревших местах. Девушка причитала и кричала на парня. Мужчина улыбнулся и неспешно пошел по улице. Повсюду стояли ярмарочные лотки и продавались блины, печенья, ватрушки и прочие вкусности. Город отмечал большой праздник.

– Почему баранка с маком? – Нагнулся рогатый к неказистому мальчонке за прилавком.

– По сто! – Улыбнулся тот штакетником зубов.

– Давай одну. – Протянул мужчина купюру и сунул баранку в карман куртки. Подмигнул пацану и зашагал прочь.

– Что такое? – Мальчонка смотрел на купюру, превратившуюся в лист лопуха в его руке. Мужчина в куртке уже растворился в толпе.

Он шел осматривая людей и присел к безродной псине, жалобливо выпрашивающей подачку на холодной мостовой.

– Какой уродец. – Ласково потрепал его по голове рогатый и у псины глаза залились белой пленкой, а изо рта повалила пена. Пес подскочил и, залившись бешеным лаем, бросился в гущу людей, где тут же тяпнул за ногу старушку с пирожками. Визг и суতোлка наполнили все вокруг.

Рогатый улыбнулся, достал баранку из кармана и неспешно съел, гуляя и устраивая пакости всем вокруг. Баранка была вкусной и мужчина довольно рыгнул, сам удивившись себе. А потом рыгнул снова и схватился за живот. В желудке будто стала раскручиваться змея из расплавленного олова, выжигая все его внутренности. Боль была невыносимая. Рогатый катался по земле, обхватив живот руками, и не прекращал исторгать из себя фонтаны желчи.

– Мужчине плохо! Вызовите скорую! – Кричали вокруг него люди. Но помочь уже было нечем. Рогатый изрыгнул из себя кровавую кашу из внутренностей и безжизненно замер на мостовой.

Недалеко оттуда, мальчик, что продавал баранки, улыбнулся, аккуратно заправляя выбившееся из-под рубашки белоснежное крыло.

– Почём баранки?

– По сто! – Лучезарная улыбка осветила очередного покупателя.

Третий мертвый

Новый год наступал и банкетный зал, крупнейшей в городе филармонии, гудел, как улей, хор голосов, взрывы смеха и звенящие песни хмельных гостей. И конечно танцы! Танцы! Танцы! Пары кружились в центре зала, под огромной люстрой из богемского стекла, переливающегося синеватыми искрами в ярких цветах маскарада. Сотня человек во фраках и вечерних платьях веселилась и готовилась вступить в, как каждый надеялся, новый год счастья и успеха. Они уже оставили в мыслях год прошлый, с его невзгодами и неприятностями, весело отплясывая вокруг ели, возвышавшейся в центре зала огромной стрелкой часов, указывающей в снежное небо, как свеча. Повсюду летало конфетти, ленты и серпантин, выстрелы хлопушек гремели тут и там. И не было человека без маски в этой веселой кутерьме. Кроме одного. Одинокая фигура сидела в самом углу, под лестницей, откинувшись на стуле и покручивая в руках нетронутый бокал с шампанским. Его видели прогуливающимся по залу и болтающим то с одним, то с другим, видели как он обсуждал внешнюю политику с послом Конго, как кружился в вальсе с женой Тихоморова, известного столичного ресторатора, как боролся на руках, и победил, с Кононовым, художником и эссеистом, как покачал в руках малютку семейства Брандт, английских парфюмеров. Но никто не знал кем был этот distinguished гражданин. На все вопросы, почему он без маски на маскараде, он улыбался своей тонкой обаятельной улыбкой молодого аристократа и тихо отвечал, покачивая головой:

– О, я в маске, старина, поверьте мне. – И более ничего не отвечал на расспросы.

Стрелки приближались к двенадцати и молодой человек уединился за столиком под лестницей, в самом неприметном месте зала, покручивая в руках бокал и тихо улыбаясь каким-то своим мыслям, наблюдая за публикой. И чем ближе минутная стрелка подходила к двенадцати, тем шире он улыбался.

– Какой ангел. – Шептались дамы украдкой от своих мужей.

Перед самой полуночью юноша без маски вдруг оказался перед елкой и высоко поднял бокал.

– Господа, прошу внимания! – Сказал он тихо, но каждый гость в зале услышал его так явно, точно тот сказал ему это прямо в ухо.

Молчание повисло над залом, гости, одурманенные хмелем и весельем, улыбочиво смотрели на юношу.

– Дамы и господа! Мы на пороге нового века, не побоюсь этого слова – новой эры! Для всех вас это будет поистине новое время. – Он обвел взглядом присутствующих и каждый мог поклясться, что он посмотрел ему в глаза. – Здесь сегодня собран цвет нашего общества, врачи и актеры, меценаты и литераторы, артисты и художники. Но как бы ярок не был ваш цвет, бахрома ваших лепестков чёрная.

Вдруг по залу словно пронесся сквозняк.

– Закройте дверь! – Крикнул кто-то.

– Я не буду утомлять вас речами. – Юноша посмотрел на часы. В зале вновь крикнули чтоб закрыли дверь. – Все мы смертны, господа. И никакими вашими заслугами перед людьми вы не сможете выкупить это у жнеца.

Люди, поживаясь от сквозняка, озадаченно смотрели друг на друга и никто не понимал, что несёт этот юноша. Душа требовала праздника, который с минуты на минуту должен был разгореться яркими красками обнуленных часов.

– Да закройте уже дверь, черт вас раздери! – Крикнул начавший терять терпение Станиславов, главный дирижер симфонического оркестра.

Юноша указал бокалом на часы.

– Господа! Уж полночь близка! Возьмёмся же за руки в последнем хороводе! Ни один не должен быть потерян!

Люди вытянули руки и встали кругом вокруг ели. И невесть откуда взявшиеся детишки, в костюмах скелетов, запестрели под рукой каждого человека, увлекая в танец, вприпрыжку, вприскок, увлекая вперед, заливаясь лучистым звонким смехом!

– Господа! С новым годом! – Поднял бокал юноша, когда бой часов разнесся над залом. Но никто не смог поднять руки в ответном жесте. Круговерть и феерия цветов, смех и крики радости заполнили весь зал, ускоряясь и переходя в галоп. Сбиваясь с ног, люди отплясывали и бежали по кругу, в ужасе вытаращив глаза, и задыхаясь, и только чертята, с раздвоенными копытцами и рожками, только минуту назад бывшие детьми, все смеялись и тянули людей во все ускоряющуюся пляску. Часы отбивали удар за ударом, перекрывая крики ужаса и муки, пока не отбили последний удар и все стихло, в печальной пустоте зала, с одной лишь одинокой ёлкой, триумфально устремленной в снежное небо.

– С новым годом! – В открывшиеся двери вбежал сильно запоздавший гость, директор Театра на трёх камнях, сжимая в руках открытую бутылку шампанского. Да так и замер на входе, озадаченно озирая пустой зал филармонии. На секунду ему показалось, краешком глаза он заметил, что будто бы маленький ребенок в маске чертёнка мелькнул возле подарков у ёлки. Но когда он оглянулся, там было так же пустынно, как и во всей филармонии.

Четвертый мертвый

Маленького Сашу разбудили голоса на кухне. Мама что-то жарко говорила подруге.

– И ты представь, корова вместе с теленком сдохла, в один день.

– Ох, беда какая! – Причитала подруга.

– А у Ленки все куры подошли, напасть какая-то. И у Севрены куры, и у Прокловой, у Свирюхиных, у Кровняков, у Алексея Михайловича лошадь сдохла, у Лопатина свиньи. Я тебе говорю, по всему селу так, страшно жить, каждое утро в страхе просыпаюсь, что у нас что-то случилось. И главное никто не знает что оно такое.

Саша вылез из постели и протер заспанные глаза. Тайком, чтобы мама не заметила, он оделся и вышел из дома, вскочил на велосипед и помчался к мосту, где в это время должны были играть дети. Дорога спускалась вниз и еще издали он рассмотрел несколько велосипедов, сваленных вместе. Подъехав к мосту, он на ходу спрыгнул со своего, тот врезался в кучу других и звякнув замер среди них. Саша со всех ног бросился под мост, по утоптанной тропинке, среди высоких лопухов. А там уже вовсю шел морской бой. Мальчишки делились на две команды по обе стороны реки и кидали камни к берегу так, чтобы брызги от них окатывали противника на другой стороне. Камни брались из самой реки, во время тридцатисекундного перемирия в начале игры, после этого их приходилось доставать из воды, рискуя, что возле тебя приземлится здоровенный валун и окатит тебя холодной водой с ног до головы.

– Саня за нас! – Закричали в одной команде при виде спешащего Саши. Тот подскочил к куче камней, спрятанных за колонной моста, схватил один побольше и быстро швырнул камень к другому берегу. Он поднял много брызг, но никого не зацепил, а Саша уже бежал за колонну, прячась от летящего в воду возле него камня. Крики и всплески продолжались до самого обеда и кончились когда гул копыт, стучащих сверху по асфальту, наполнил прохладное пространство под мостом. Стадо коров возвращалось с утреннего выпаса и мальчишкам нужно было провозжать его, чтобы отогнать свою корову домой. Довольные и промокшие до ниточки они поднимались из-под моста. Все почти ушли, когда один из мальчиков закричал, показывая на воду.

– Смотрите, рыба дохлая!

И в самом деле, откуда-то выше по течению плыла огромная вереница мертвой рыбы, в основном щук и вьюнов. Все плыли кверху животами, бесчисленное множество.

– Ничего себе! – Протянул кто-то из ребят.

Саша увидел среди мертвых рыб странного разноцветного вьюнка, размером с ладошку. Он был невероятно красивым и переливался всеми цветами радуги. Это было красиво и вместе с тем почему-то Саше стало не по себе. Вьюнок подплыл прямо к нему и руки сами потянулись к рыбке, как будто живя своей жизнью. Саша присел на колени у воды, прямо в жидкую грязь и потянулся руками к рыбке. Все в мире прекратило свое существование и не было больше ничего, кроме этой рыбки для Саши, он будто слышал зов, призывающий его поймать её. А она подплыла прямо к нему, словно сама этого хотела. Радуга плясала на ее боках и Саша как в трансе тянулся к ней, и в нем боролись между собой восторг и ужас. Он не мог понять откуда у него эти чувства и не мог остановиться. Его руки почти коснулись воды и ему вдруг захотелось заорать от ужаса, жуткого страха, поднявшегося из самых кишок, ужасного черного кошмара, удушающего и застилающего глаза тьмой. Его разум заполнили картинками с истекающими кровью коровами и свиньями, раздираемыми на куски здоровенной булькающей и сочащейся желтой янтарной слизью с кривых зубов, насаженных в тупоносой акульей голове, только без глаз, с одним только раскрывающимся как у питона ртом, таким большим, что Саша мог бы влезть туда целиком. **ОН СЛЫШАЛ КАК ТЫСЯЧИ ЖИВОТНЫХ КРИЧАТ В АГОНИИ!**

И вдруг мощная струя холодной воды окатила его с ног до головы. Большой камень приземлился в реку прямо возле Саши, обдав того фонтаном брызг.

– В десяточку! – Закричал один из ребят, что кинул камень, пока Саша зазевался. И зашелся смехом. – Как я его пацаны!

Саша отряхнул голову и посмотрел в реку, рыбки не было. Чувство ужаса пропало без следа, Саша уже не мог сказать, было ли оно на самом деле или он его придумал.

Когда он ехал домой, то непонятное чувство радости распирало его изнутри. Он катился позади стада и всё вокруг было таким ярким и красочным, как никогда в жизни. Рощи и луга дышали сочной зеленью, птицы наполняли воздух пением, всё было потрясающе!

Когда он открыл ворота, чтобы корова зашла во двор, из кухни выбежала мама в слезах и кинулась обнимать сына.

– Родной мой, хороший. – Она покрывала поцелуями его лицо, капая на него слезами. Потом прижала к себе крепко-крепко. – Работала в саду, и тут сердце как обручем сдавило – с Сашкой что-то случилось! Я в дом, а тебя нет! Паразит!

Мама сдавила его в объятиях и беззвучно всхлипывала. Саша зарылся к ней в грудь и расплакался непонятными слезами облегчения.

Долгие недели он просыпался среди ночи на грани крика, рвущегося из его рта. Но сон, так напугавший его, таял как утренний туман и он не мог его вспомнить. Потом пришла осень со школой и тупоносая акуля голова с раззявленной пастью совсем прекратила будить его по ночам.

Пятый мертвый

Снег кружил в свете фонаря и опускался на карниз джазового бара. Внутри пела худощавая женщина, голосом, который никак нельзя было представить в таком хрупком теле. Труба и тромбон тихо играли, она покачивалась в такт музыке и прикрывала глаза. Людей в баре было мало и атмосфера была расслабленная. Голос певицы растекался в сигаретном дыме, обволакивая посетителей грустным облаком. Все в ней сочилось тоской, то как она пела, как прикасалась к микрофону и прикрывала глаза, грустные морщины в уголках глаз и губ. Грусть-грусть-грусть, только грусть была в ней. Простецкое бордовое платье обтягивало ее тощую фигуру. Когда кончилась песня, она поклонилась и под аплодисменты сошла к бару, где ей налили бокал и подожгли сигарету. Она пригубила вина и глубоко затянулась, держа сигарету в длинных тонких пальцах.

– Вы красиво поете.

Она обернулась. Рядом с ней сидел молодой юноша, лет двадцати.

– Спасибо, милый. Тебе понравилось?

– Очень. Можно вас угостить?

Певица засмеялась и потрясла рукой с бокалом.

– Здесь вся выпивка для меня бесплатна.

– О, и правда. – Покраснел юноша.

Женщина улыбнулась.

– Но можешь все равно угостить. – Струйка дыма затуманивала ее усталые глаза. – Старую кошку спирт не убьет.

– Вы вовсе не старая! – Выкрикнул юноша.

– Ты даже не представляешь, насколько я стара. Нет никого старше меня, к сожалению. –

Певица горько улыбнулась и выпила.

– Что вы такое говорите?! – Юноша набрался мужества и выпалил. – Вы прекрасны!

– Спасибо, ты очень мил. – Певица погладила юношу по щеке. – Но я на самом деле стара как мир.

Не успел юноша открыть и рта, чтобы возразить, как рядом с певицей на стул рухнул какой-то тип и схватил ее за руку.

– Станцуем? Давай станцуем. – Лыбился он ей прямо в лицо. – Ну че ты?

– Отпустите мою руку. – Спокойно сказала певица.

– А что будет, если не отпущу? А? – Он хотел еще что-то сказать, но подскочивший бармен выдернул его из-за стойки и поволок к выходу.

Она размяла руку и допила вино.

– Одни уроды повсюду. – Сказал юноша провожая взглядом бармена.

– Ну хоть что-то интересное случилось в этой серой тоске. – Она вздохнула и затушила сигарету. – Пора мне.

– Тогда я вас провожу!

– Какой бойкий. Ну хорошо. Пока! – Помахала она рукой музыкантам.

Они шли молча по заснеженной улице. Он попробовал обнять ее за талию, но она убрала его руку и взяла его под локоток. Метель заметала улицы и в снегу оставались глубокие одинокие следы. У ее подъезда он попробовал поцеловать ее, но она отстранилась и только улыбнулась.

– Рано тебе еще до моего поцелуя. – Сказала она и провела рукой по его щеке. – Доброй ночи.

Он стоял и смотрел, как она уходит в дом, а потом разглядывал окна, стараясь угадать, где она живет. Он блуждал взглядом по дому и в одном из них вроде шевельнулась занавеска и вдруг мелькнуло что-то белое, как кость или череп, он не успел разобрать.

Юноша глуповато улыбаясь пошел дальше по улице, кутаясь в куртку, с глазами блестящими как первый снег.

А в это время в баре, потерянном в переулках, забулдыга, схвативший певицу за руку, вдруг вскочил и уставился на свою кисть.

– Холодно! – Он тряс рукой, растирал ее и кричал все громче. – Холодно!

На глазах всех очевидцев руку стала чернеть и обугливаться, как полено брошенное в огонь.

– Как холодно! – Прокричал мужчина и схватился за сердце. Его лицо исказила гримаса невыносимой муки и из уголков глаз выступили капельки крови. Колени подогнулись и безжизненное тело рухнуло на пол бара. Обугленная кисть подрагивала в луже разлитого бренди.

Ветер на улице завывал все сильнее, кружа снег в холодном танце.

Шестой мертвый

Поезд метро ехал, со свистящим воем, в тоннеле, рассекая подземелье под городом. Глаза слипались и не было никаких сил бороться со сном. Я закрыл книгу и откинулся на сиденье, закрыл глаза и сразу уснул, под баюканье ветра. Вдруг меня что-то разбудило и я открыл глаза. Голос диктора объявил станцию Кантемировскую, и я откинулся назад, можно было ещё поспать. И тут же открыл глаза снова. «Мне это показалось?» Люди вокруг исчезли, а вокруг меня сидели какие-то монстры, одни с щупальцами, другие с клыками, истекающие слизью и выкатывающие свои мёртвые глаза, крутя ими в орбитах. Я оцепенел и не мог даже пискнуть, пожираемый ужасом, что словно темная туча накрыла меня. Меня трясло как при лихорадке. Краем глаза я увидел, что на моем рукаве лежит что-то, напоминающее огромную личинку майского жука. Не в силах бороться с искушением и содрогаясь в ужасе, я скосил глаза и увидел сбоку от себя нечто с освежеванной собачьей мордой и красными глазами навывкате. Из его пасти свисал иссиня черный язык, которым он время от времени облизывал кровоточащее лицо, управляясь им точно хамелеон. Я не мог больше смотреть на эту мерзость и отвел глаза. Мне хотелось закричать от ужаса. Но я не мог даже вдохнуть.

Мимо по проходу проволочлось что-то жуткое. С жидким телом как услизня, оно шло и оставляло за собой жирный белесый след, воняющий как тухлое мясо. Рядом сидели скелеты и вампиры, медведи-оборотни, громадные, еле влезавшие под свод вагона. Напротив меня сидело нечто напоминающее огромного кальмара, с фиолетовыми раздутыми щупальцами, обвивающими голову. Выпученные глаза над коротким желтым клювом посмотрели на меня и перевели взгляд. Но внезапно вернулись и расширились, как будто в мирное виденье этого чудовища попало что-то невероятно ужасное. Он расширил глаза ещё сильнее, то ли в испуге, то ли в возбуждении и издал клокочущий птичий крик, беспорядочно вздрагивая головным отростком и выпучивая глаза всё сильнее. Сидящие вокруг него чудовища посмотрели на него и увидев меня стали кричать, булькать, гаркать и издавать ужасающие звуки своими ртами и дырами в головах. Ужасный гомон заполнил вагон и моя голова грозила разлететься напополам.

Я увидел какое-то движение сбоку и в ужасе закрыл глаза. Что-то двигалось ко мне по проходу, вокруг вдруг стало тихо и только громоздкие шлепающие шаги всё приближались. Они дошли до меня и затихли. Что-то наклонилось ко мне и я почувствовал горячее влажное зловонное дыхание обволакивающее мое лицо, и слёзы ужаса выступили у меня на глазах, я сжал зубы изо всех сил, дрожа как осенний лист. Дыхание убралось с моего лица и всё затихло. Тишина продолжалась долгое время и ничего не происходило. Я открыл глаза.

Передо мною стояло огромная тварь с бородавчатой головой, состоящей из множества отростков, зеленого цвета, с которого свисала тина и водоросли. Один огромный серый глаз смотрел на меня и тут зеленая пасть разверзлась и тварь проорала мне прямо в лицо тухлым запахом рыбы:

– Ты не должен здесь быть!

Это прорвало мой ступор и я закричал в ужасе, куда вложилась весь мой страх, и мир померк.

Когда я открыл глаза солнце снова светило на мой город, грея его в своих лучах. Я сидел на скамейке, а в песочнице игрались дети. Мальчик строил из песка что-то похожее на дом, потом вдруг по песочнице поползла трещина и из неё стали вырываться языки пламени и лезть ужасные монстры, хватать людей и утаскивать их под землю.

Я закричал и проснулся. Люди в метро ошарашено смотрели на меня. Люди! Повсюду были обычные человеческие лица. Сон, это был сон! Сердце, пытавшееся вырваться из гру-

ди,медленно успокаивалось. Что-то коснулось моей руки, я посмотрел вниз и увидел на рукаве белесый след, будто от огромной склизкой личинки.

Седьмой мертвый

Прозрачная вода плескалась под веслом, разбегаясь волнами в стороны от мягко плывущей лодки, камыши и кувшинки медленно раздвигались в стороны деревянным носом. Лягушка сидела на листе кувшинки и спрыгнула, когда весло опустилось в воду возле неё. Парень в лодке медленно греб, неспешно правя по медленному течению водной дороги. По берегам плакучая ива макала в воду свои ветви, точно печальная девица на камне.

На берегу показался старик. Он шёл, сжимая в руках две удочки и чемоданчик с наживкой. Придя на своё обычное место, он положил вещи и достал перочинный нож, которым срезал несколько тростин с ивы и выточил из них две рогатины, потом закатил штаны выше колена, снял обувь и войдя в воду, прочно воткнул тростины в ил. Он разогнул спину и увидел проплывавшую мимо лодку. Её борта были раскрашены белым и синими цветами. В ней было двое детей, как показалось деду, девочка и мальчик. Он не мог навскидку определить их возраст, слишком уж далеко они были, а глаза уже были не те, что раньше. Девочка была одета в свитер, поверх белого сарафана, еле прикрывавший бедра, у неё были золотистые длинные волосы, развевающиеся на ветру. Мальчик был одет в длинные штаны и тёплую куртку, непокорные кудри закрывали ему пол лица. Дед задумчиво потёр макушку.

– И чего они вырядились, на улице такая жара. – Пробурчал он себе под нос, вспоминая, что как раз вчера налетел ураган с дождём, неожиданно, в самый обед. Он как раз закончил чинить уду, и собирался опробовать её на рыбалке, но непогода вынудила его сидеть дома.

Дети в лодке болтали и звонко смеялись, радуясь жизни и молодости. Дед смотрел на них с теплом на сердце, вроде совсем недавно и он был совсем пацаном, да так же плавал на лодке по этой самой реке, катая барышень и купаясь с друзьями.

Парень на веслах обернулся к нему и помахал рукой, высоко подняв её над головой. Девушка заметила его тоже и принялась махать ему обеими руками. Дед ухмыльнулся и помахал рукой в ответ. Лодка плыла дальше и вскоре исчезла за излучиной. Но звонкие голоса и смех ещё долго доносились до старого рыбака, согревая его сердце.

– Живите пока молодые, радуйтесь жизни. – Сказал он себе под нос и достал самокрутку. Засмолив её, он сидел без движения и сонно следил за поплавком.

Под вечер он смотал снасти и неспешно потопал домой, неся в бидоне с десяток карпов.

– На, чисти. – Похвалился он уловом старухе жене и вывалил рыбу в рукомойник.

– Ой, да было бы что чистить! – Сказала та.

– Ну, зараза, в следующий раз выпущу всю назад. – Проворчал дед. – Вот назло тебе возьму и выпущу.

– Ты-то выпустишь! – Достала она нож и принялась скоблить чешую. – Слышал за Петровых детей?

– За кого? – Дед листал газету, сидя с папиросой у печи.

– Ну, приехали к ним на лето двое внуков, мальчик и девочка.

– Ну? – Вполуха слушая сказал дед.

– Так потонули они вчера. В урагане то и сгнули, по речке на лодке плавали Петровской. Из дрожащей старческой руки деда вывалилась самокрутка.

– Это на которой?

– Знамо на которой, та что с бело-синими бортами.

Рыбаку стало как-то не по себе и вдруг сердце защемило тисками. Заливистый смех детей стоял в его ушах. Самокрутка тлела на деревянном полу.

Восьмой мертвый

Пат открыл глаза и потянулся. Солнце прокралось в его комнату через щелочку между занавесками и тонким пятнышком исследовало стену у окна.

– Доброе утро! – Сказал Пат и вылез из постели. В доме что-то грохнуло и раздалось ворчание.

Пат открыл дверь и вышел на улицу в одних трусах, как и в любое другое утро. Солнце поднималось над зелеными горами, роса ещё лежала на листьях и капли блестели на стенах его мазаного дома. Солнце ещё не нагрело воздух и утренняя прохлада холодила голую кожу.

Пат подошёл к колодцу и поднял из глубины ведро на верёвке, поднял его над головой и опрокинул всё на себя. Он фыркал как лошадь и растирал себя руками, вода была ледяная.

Красный закат высветил рисовые поля и горные рощи риса, раскинутые на высокогорных склонах, зеленых и сочных, распространявшихся на все пространство, что хватало глаз. Пат родился и вырос здесь, очень много лет назад. Он задумался как давно это было и почему-то не смог вспомнить. Он осмотрелся. Все должно было быть то же самое, но только все поменялось. Раньше пагод на холмах было меньше, но сейчас разрослись как грибы, будто все решили построить себе по своей персональной пагоде, чтобы далеко не ходить, хотя некоторые стояли почти пустыми все время.

От этих мыслей его отвлекли крики, доносящиеся из дома. Они становились громче и ближе, наружу вывалились трое мужчин, один в простой крестьянской одежде, второй был в ярко оранжевых и жёлтых мантиях, с деревянной цепочкой на шее и в оранжевой чалме на голове, с палочкой, третий же был во всем белом и с большим приплюснутым красным барабаном поперек пояса, в который он принялся испуганно стучать, только завидел Пата.

– Вот он! Призрак! Призрак! – Подпрыгивал от злости и кричал крестьянин.

– И вправду призрак. – Сказал старец в чалме и начал что-то напевать, делая в воздухе странные пасы. Пату стало как-то не по себе и захотелось оторвать что-нибудь крикуну. Руку, например, чтобы заткнуть ему ею рот.

– Призрак! – Кричал крестьянин. – Святой человек, изгоните его! Жизни мне не дает проклятый! Каждое утро на рассвете появляется, весь дом будит, воду мою, за ночь набранную, выливает, рис мой топчет, коров пугает, молока давать меньше стали. Недавно гости пришли, так он стол поднял в воздухе и в стену его кинул.

Пат что-то смутно такое припоминал, но чего не случится в жизни, ведь так? Но крикун стал его напрягать, кричит и кричит. И этот с барабаном тоже достал уже, чего ты в него так долбишь среди бела дня? И чего они его призраком называют? И кто вообще эти люди? Откуда они в его доме?

Священник продолжал нараспев что-то диктовать и качаться на месте. Время от времени он приоткрывал глаз, кидал взгляд на Пата, и продолжал причитать дальше. Пат смотрел на него с удивлением. Чего это он делает? Одновременно с этим он почувствовал какую-то легкость. Он глянул вниз и увидел удаляющуюся от него землю, он буквально висел в воздухе, в нескольких сантиметрах над землей. «Не понял!» – подумал Пат. Он посмотрел на свои руки и увидел сквозь них каменистую почву своего двора. «Призрак – это они про меня, чтоли?» И Пат стал вспоминать. Вспомнил этот двор, и что он жил здесь семьсот лет назад, и умер прямо здесь от рук разбойника, ограбившего его дом. «Так я умер?» подумал Пат и стало так обидно, что он размазал напоследок крестьянина по земле, превратив его в кровавую кучку движением руки. Все залилось светом и красками, а потом настала тьма.

Пат открыл глаза и потянулся. Солнце прокралось в его комнату через щелочку между занавесками и тонким пятнышком исследовало стену у окна.

– Доброе утро! – Сказа Пат и вылез из постели. В доме что-то грохнуло и раздалось ворчание.

Девятый мертвый

Отец зашел на кухню и сел за стол.

– Привет.

Сын выронил ложку, закатил глаза и крикнул вглубьдома:

– Маааа, он опять пришел!

– Кто? – Ответили ему со второго этажа.

– Папа.

– Ах, ты ж проклятый! – Со второго этажа понеслись проклятья и грохот. И мама раздраженно спустилась по лестнице. – Каждый, сука, раз! Ну, сколько можно?

– Не понял. – Сказал отец сконфуженно. – Что происходит?

– Происходит то, что ты умер. – Мама что-то усиленно искала в столе, гремя тарелками. – Пять лет назад. И каждый год, в третью субботу мая, возвращаешься домой.

– То есть как это – умер? – Не понял отец и осмотрел себя. Рваная одежда, гнилая плоть, сочащаяся слизью и кишачая червями. – Должно быть ты права. А отчего я умер?

– Цирроз печени, ты был пропитым алкоголиком. – Мать достала из стола топор.

– Странно, что я этого совсем не по... – Его слова были оборваны топором, воткнувшимся в его голову. Он поднял глаза. – Ты что делаешь?

– Даю тебе успокоение. – Мама опускала топор до тех пор, пока голова не разлетелась на куски и обезглавленное тело не упало на пол.

Прошел год. Кухня была наполнена ароматами жарящегося мяса.

– Привет. – Сказал отец и сел за стол.

– Кто это? – Спросила девушка его сына.

– Мой отец. – Ответил тот и отрубил покойнику голову разделочным ножом.

Прошел год. Отец открыл глаза. Вокруг было темно. А во рту был ну очень плохой вкус. "Должно быть перепил вчера". Когда он вылез из-под земли, мать первая заехала ему лопатой по лицу и нос отвалился. Отец не успел опечалиться этому, как в дело снова вступил топор, тщательно изрубивший его голову.

– Вы знаете, это уже не смешно. – Сказал отец год спустя, смотря на двух вооруженных людей у его могилы. Ему захотелось зарыться обратно в уютную нору, но топор помешал ему.

Через год отец явился во фраке, как никак это была свадьба его сына. Он сидел в первом ряду, сжимая букет кладбищенских цветов, гордо сияя улыбкой, насколько это вообще можно делать без зубов и со сгнившими лохмотьями губ. Вместо носа ему повесили пластиковый колпачок от чистящего средства и тот был вполне доволен этому. Свадьба была веселой и отец даже выпил, но к вечеру плохая кровь и голоса в голове стали плохо на него воздействовать и у него появилось желание поесть немного мозгов, так что сын отвел его за сарай и раздавил трактором.

– Может вам по хозяйству помочь? – Сказал отец ещё через год, когда мама занесла лопату над его головой. Его привязали к большому шесту и он всё лето отпугивал птиц и лис отборным матом, размахивая руками, пока веревка не лопнула и лисы утащили его в лес.

Через год он наблюдал в окно больницы за своим внуком, копошащимся в маленькой кровати в родильном отделении, умиляясь тому, какой он миленький, пока сторож не поймал его с бензопилой.

На следующий год отец выкарабкался из могилы и увидел, что весь мир превратился в дымящиеся руины, так что он раскопал свою мертвую семью, съел их мозги и зажил счастливо, один на всем белом свете, живя в лучших отелях мира, воя на луну с волками и кидаясь на ещё горящие фонари в приступах сумасшествия.

Десятый мертвый

Алексей лежал на этой колокольне уже четыре дня без движения. Ночью он коротко и быстро ел консервы из вещмешка, ни на секунду не отрываясь от снайперского прицела своей винтовки, осматривая в нее окрестности колокольни. Было пустынно, стрельба громыхала вокруг, но в основном все перестреливались из укрытий в домах. Но как только люди во вражеских формах появлялись на улице или случайно показывались в окне, то наступал звездный час снайпера и Алексей вкладывал по пуле в каждую вражескую голову.

Когда в нефе колокольни вдруг появился человек в плаще, Алексей молниеносно схватил пистолет и выпустил в неизвестного всю обойму. Как ни странно, но пули раздолбали стену за спиной человека, но ни одна не причинила ему никакого вреда.

– Побереги патроны. – Сказала фигура и подняла капюшон, обнажая голый череп. – Я смерть, усек?

Алексей похолодел и ужас сковал его, он не мог выдать из себя ни слова, дрожа как осиновый лист.

– Успокойся, еще не настало твое время. – Смерть опустил капюшон и посмотрел на часы. – У меня просто дел больше не было, решил пораньше зайти, подождать. Занимайся своими делами, прошу, не обращай на меня внимания.

И смерть принялся изучать свои ногти, на вполне себе человеческой руке. Потом достал из складок черного балахона пилочку и стал их полировать.

– Меня убьют? – Вдруг Алексей услышал, как спрашивает еле слышно, одними губами.

– Нет, блин, пришлют тебе двух баварок с большими сиськами и вы устроите тут фрайц-югикайт. Конечно убьют. – Смерть невозмутимо рассматривал свои ногти, сунул палец в рот и обгрыз краешек ногтя. – Проклятые замки, весь маникюр коту под хвост.

– Через час. – Уточнил смерть.

– Вот значит как. – На Алексее не было лица. Его губы задрожали и он сжал руки в кулаки, ходившие ходуном.

– Да ладно, че ты, расслабься. Все умирают, ты же знаешь.

– Но, я не хочу умирать! – Алексей стукнул по полу кулаком.

– А кто хочет? – Развел смерть руками. – Кроме готов? Один геммор с ними, ей-богу. Шкерятся по кладбищам, покоя людям не дают.

Алексей повернулся к винтовке и прильнул к прицелу.

– Ну, суки, заберу вас с собой побольше. – И пустил пулю в туманную фигуру, туда, куда бы ни за что не стал стрелять раньше, пока фигура не приблизилась. – От чего умру-то?

– Танком твою колокольню раскурочат. Ты бы может и выжил, когда она развалится, да только они её расстреливать будут как следует, а потом напалмом выжгут все, ты им поперек горла сидишь здесь.

Алексей молчал и только посылал патрон за патроном, скрипя от злости зубами.

– Слушай, ты не будешь против, если я твой штык возьму, он тебе всё равно больше не понадобится? – Смерть поднял штык и стал аккуратно срезать кончик ногтя, с которым он никак не мог разобраться. – Ай, порезался, черт подери!

– Ты можешь потише, отвлекаешь очень? – Сказал Алексей, стараясь навести прицел на что-то оранжевое. Он особо не разобрал, что оно такое, но стрельнуть туда так и тянуло.

– Ой, ну и пожалуйста, больше слова не скажу. – Обиженно протянул смерть и буркнул под нос. – Проклятый коммуняка.

– А коли я себе сам мозги вышибу? – Алексей повернулся к смерти. – Что будет?

– В ад попадешь, что же ещё? – Развел руками смерть. – Ты хоть и атеист, а иконка-то у мамки дома стоит и она за тебя молится, значит и ты каким-то боком православный, да к тому же ещё и крещеный.

– А так что, в рай, чтоли? – удивился снайпер.

– Ну, а куда ж? Дело-то правое делаешь, мученическая смерть, как там наверху считают. Правда, в чем разница я не знаю, убиваете друг друга вы одинаково.

– Ну, спасибо хоть на этом. – Алексей, наконец, спустил курок и пуля улетела в оранжевое нечто, которое вдруг взорвалось ослепительным грибом, за которым последовали другие взрывы, цепочкой удалявшиеся от первого, разрушая весь квартал. Люди забегали по улице прямо перед Алексеем и он только за пять минут настрелял врагов больше, чем за весь день до этого.

– Ты гляди-ка, куда это ты попал там? Даже я отсюда не вижу. – Смерть смотрела в щель стены, на пожарище.

– Ты смотри, это же прям какой-то напалмовый ад! – Смерть восторженно приплясывал на месте. Вдруг у него что-то зазвонило в груди, он достал маленький квадратный предмет и приложил его к уху. – Смерть слушает. Да. Да. Серьёзно? Хорошо.

Он сунул предмет за пазуху.

– Слушай, ворошиловский стрелок, а ведь ты только что их машинный узел аннигилировал, танк теперь не приедет.

– То есть я не умру, чтоли?

– Не умрешь, гаденыш, только зря время на тебя перевел.

– Ну, извини.

– Да ладно, был рад поболтать. Давай, пока, служивый. Саянара! – И смерть исчез, как и появился, без следа.

В большом красном кабинете обитым атласом сидел молодой человек в гавайских шортах и рубашке, расстегнутой на груди. К нему вошел смерть с недовольной гримасой на лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.